

СЕРГЕЙ БОГАЧЁВ

**БОГДАН
ХМЕЛЬНИЦКИЙ**

ИСКУШЕНИЕ

Сергей Богачев

Богдан Хмельницкий.
Искушение

«Алгоритм»

2016

УДК 82-312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

Богачев С.

Богдан Хмельницкий. Искушение / С. Богачев —
«Алгоритм», 2016

ISBN 978-5-906880-24-6

В истории многое зависит от случайностей. Что было бы, если бы Мстислав Удатный не перебил монголо-татарское посольство? Может быть, монголо-татарская орда и не двинулась бы на запад, а пошла на завоевание Японии или Индии. Что было бы, если бы Богдан Хмельницкий остался сотником реестрового войска на службе у польского короля или после битвы под Пилявцами двинул свои полки на Варшаву? Но величайшая мудрость мира давно сформулирована: история не терпит сослагательного наклонения. Эта мысль верна, и с этим, конечно, нужно согласиться, если нет возможности изменить ход истории. А если такая возможность есть?

УДК 82-312.6
ББК 83.3(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-906880-24-6

© Богачев С., 2016
© Алгоритм, 2016

Содержание

Вместо предисловия	5
Раннее майское утро 1648 года	6
Украина. Лугань. Наши дни	7
Россия. Москва. Кремль	9
Час спустя. Лубянка. Кабинет директора ФСБ	11
Украина. Лугань. Святоозерье	13
Лугань. Гостиница «Miner palace»	16
Лугань. Центральный городской парк	21
Чернобыль. Зона отчуждения	25
XVII век. Украина. Лес под Припятью	30
Чигирин. Хутор Суботов	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Богачев

Богдан Хмельницкий: искушение

Вместо предисловия

Системы, в которых все можно рассчитать и предвидеть, существуют. Но они всегда являются частью таких систем, которые невозможно точно просчитать из-за банальной невозможности учесть все субъективные факторы.

Может быть, поэтому социальные эксперименты, проводимые в истории человечества, в частности в России в 17-м году, в Китае в 50-е, в Кампучии в конце прошлого века, сталкивались со множеством проблем, которые решить не могли, и благая социальная цель так и не была достигнута. Но вопреки всему мысли о социальной справедливости, высказанные Томасом Мором и Томмазо Кампанеллой, годами, столетиями продолжают будоражить умы и побуждать к активным действиям.

В истории многое зависит от случайностей. Что было бы, если бы Мстислав Удатный не перебил монголо-татарское посольство? Может быть, монголо-татарская орда и не двинулась бы на запад, а пошла на завоевание Японии или Индии. Что было бы, если бы Богдан Хмельницкий остался сотником реестрового войска на службе у польского короля или после битвы под Пилявцами двинул свои полки на Варшаву? Или если бы Сталин первым начал войну с Германией? А вот не встретила бы Биллу Клинтону Моника Левински в Овальном кабинете, кто знает, смогла бы его супруга Хиллари реализовать свои амбиции и стать столь успешным американским политиком?

Но величайшая мудрость мира давно сформулирована: история не терпит сослагательного наклонения. Эта мысль верна, и с этим, конечно, нужно согласиться, если нет возможности изменить ход истории. А если такая возможность есть?

Автор

Раннее майское утро 1648 года

Богдан Хмельницкий любил эту пору года. Было уже достаточно тепло, чтобы разбить лагерь и остановиться на ночлег прямо в поле. Однако жара и изнуряющая духота еще не тяготили, воздух был насыщен чистотой и свежестью. В степи уже зацвел ковыль, делая бескрайнюю ниву похожей на бурлящую морскую стихию. Свежая роса, словно слезы, умыла поле брани, окропив следы вчерашней кровавой бойни. Со стороны Ингульца веяло прохладой. Казаки перед дальним походом купали своих коней. Слышались довольное фырканье лошадей и громкая казацкая брань в адрес клятых ляхов.

Но гетман не обращал на это внимания, пусть хлопцы выпустят пар. Вчера они славно потрудились, устроив хитрую заслонку и отрезав побежавшим полякам все пути к отступлению. А после того как в честном бою был смертельно ранен Стефан Потоцкий, все остальные командиры Войска польского покорились судьбе и сдались на милость победителя.

Оседлав коня, Богдан поднялся на самый высокий холм, чтобы оттуда наблюдать за тем, как его хлопцы управляют с остатками разгромленного войска. Уже погрузили на возы захваченные трофеи. Недалеко от лагеря выстроились неровными шеренгами пленные ляхи, готовые принять свою судьбу и с позором отправиться в Чигирин. Вслед за ними пристроились подводы с ранеными и убитыми.

Глядя на результаты своего ратного труда, Богдан Хмельницкий, с виду совершенно спокойный, внутренне ликовал. Радость переполняла его душу. Он чувствовал, что ему удалось собрать воедино силу своего народа и направить ее к победе, чего давно не случалось.

И еще он почувствовал, что достойно отомстил за поправленную честь и погибшего сына! Пока оба эти мотива совпадали, он не задумывался, который из них ведет его сильнее...

Но в то же время где-то в глубине своей души Хмельницкий осознавал, что вчерашний бой – только начало долгого пути, который им уже выбран и с которого ему уже не свернуть. Богдан отдавал себе отчет и в том, что ему предстоит пойти до конца, на Варшаву. И внутренне принял это выбор.

Украина. Лугань. Наши дни

Предстояли традиционные «каникулы» по случаю майских праздников. Если в детстве Ивана Черепанова, в бытность СССР, основу этих выходных составляли Международный день солидарности трудящихся и День Победы, то сейчас старт выходным давала Пасха. Но суть того, что майские праздники – они и есть майские, осталась. Первый островок отдыха после долгой зимы, когда можно куда-то вырваться на недельку-другую. Только в мае листва бывает такой чистой, и цвет у нее особенный – насыщенный и по-настоящему зеленый.

Но в этот раз Черепанов вынужден был смириться с тем, что вместо яркого отдыха придется использовать эти праздники, чтобы просто побыть в одиночестве и разобраться в непростой для себя ситуации. Отключив телефоны и оставив дома все гаджеты, связанные с Интернетом, он отправился в Святоозерье – заповедный лесной уголок на границе с соседней областью, где природа так не похожа на современный степной пейзаж с его шахтами, карьерами, многочисленными промышленными предприятиями.

Как не уговаривала Ольга провести по традиции выходные вместе, Иван вынужден был отказаться:

– Ну не рви душу, думаешь, мне самому не хочется, чтобы мы все вместе махнули в путешествие, как в прошлом году? Мы бы с Лешкой по утрам удили рыбу, а вечером гоняли бы на базе мяч с ребятами, ты бы походила в бассейн и на массаж...

– Так в чем же дело? – Ольга, подавшись вперед, исподлобья пристально посмотрела на Ивана и, перехватив слегка виноватый, но отчаянно упрямый взгляд его чуть опущенных глаз, улыбнулась: – Ладно, не сочиняй уж ничего, раз очень надо, а сказать не можешь, сама что-то придумаю...

Иван облегченно вздохнул. За несколько лет Ольга научилась идеально чувствовать его, что очень упрощало жизнь. Она оставляла ему ту необходимую степень свободы, которая нужна мужчине для успешного ведения его дел, а он благодарно не злоупотреблял этим и старался делать все возможное для семьи. Они обсудили план Лешкиных тренировок и занятий на выходные. Иван обнял ее, поцеловал и, ловким движением забросив на спину рюкзак, быстро побежал вниз по лестнице, экономя ЖЭКу средства на амортизации лифта.

Черепанов мечтал поскорее избавиться от всех прелестей технического и научного прогресса, запершись на даче возле тихого озера. Ему срочно нужно было побыть одному, чтобы хорошенько пораскинуть мозгами, взвесить все «за» и «против», прежде чем принять решение.

А подумать было над чем. Неделию назад, возвращаясь после очередного позднего эфира, Иван, как обычно, собирался припарковать у подъезда машину. Но законное место его работяги-фольца нагло занял незнакомый припыленный внедорожник. «Это кто ж такой дерзкий?» – промелькнуло в голове у Черепанова. Проезжая мимо джипа в поисках свободного места, он попробовал разглядеть силуэт водителя, благо, окна машины оказались не затонированы. Что-то знакомое было в этом сухощавом, подтянутом мужчине с густой седой шевелюрой, одетом в неприметную серую куртку. «Да нет, показалось, – подумал Черепанов. – Столько лет прошло, его, поди, и в живых уже нет».

– Иван Сергеевич! Что ж это вы не желаете признавать старых друзей, нехорошо! – раздался из окна автомобиля знакомый до боли голос. – Поздновато домой возвращаетесь, молодой человек. Я уже тут заждался. Жажда мучит, и не только... Так что, позовете давнего друга в гости или будем на радость вашим соседям во дворе беседовать?

Вопрос был задан скорее для приличия. Потому что водитель серого внедорожника уже успел выбраться из своего «танка», пикнуть сигнализацией и протянуть Черепанову руку для пожатия. Иван сглотнул поднявшийся к горлу ком. По спине невольно пробежал

холодок. «Гнатенко! Жив-таки, курилка. Интересно, зачем я ему опять понадобился, спустя почти десять лет?» – стал прикидывать Черепанов.

– Глазам не верю, неужто вы, Игорь Алексеевич?!

– Что, так сильно состарился? Знаю, знаю... Ну, а ты по дружбе скажи, что это не так, хоть какое-то утешение. Тебе не трудно, а мне будет приятно, – Гнатенко всегда с легкостью подшучивал над собой.

– Ну уж нет, без комплиментов: выглядите на 55 с плюсом. Просто не ожидал вас увидеть, вот и растерялся. Конечно же, пойдемте ко мне. Правда, разносолов не обещаю, а вот ароматного кофейку сварю. Тем более что обсуждать будем не вчерашний футбол, как я понимаю, – приветливо улыбаясь, произнес Черепанов и решительно распахнул перед поздним гостем двери своего дома.

– Правильно, Иван Сергеевич, понимаешь. Кофейку, да покрепче, мне и себе сварил. Есть о чем потолковать.

Пока Черепанов размалывал зерна арабики и варил в прокопченной турке ароматный напиток (ну не признавал он растворимый кофе!), ему подумалось, что время не властно над старым воякой. «Интересно, сколько же ему на самом деле лет: шестьдесят, шестьдесят пять или семьдесят? Человек без возраста, без лица, без особых примет. Зато с железной хваткой», – размышлял Иван, вспоминая, как впервые встретил Гнатенко в Чернобыле накануне трагедии.

Вторая встреча, в 2004 году, происходила в не менее экстремальных условиях. Тогда, пытаясь предотвратить взрыв на Запорожской АЭС, Иван чудом остался жив, чего не скажешь о его товарищах¹.

Было ясно, что ничего хорошего визит позднего гостя ему не предвещает.

– Давайте начистоту, Игорь Алексеевич. Я понимаю, что люди вашей профессии просто так в гости не ходят. Стало быть, я вам сильно понадобился. Кстати, внесите ясность, вы какую организацию нынче представляете?

– Организацию я, Иван Сергеевич, представляю нашу, отечественную, обладающую неограниченными полномочиями и широкими связями с коллегами из ближнего зарубежья. Этой информации для тебя вполне достаточно. Теперь по существу. Ты все правильно понял, ради чашки кофе и обсуждения вчерашнего футбола я бы тебя не стал тревожить. Нужна твоя помощь, Иван.

¹ События, о которых идет речь, описаны в книге С. Богачева «Переход», 2009 г.

Россия. Москва. Кремль

Российский президент проводил очередное совещание с руководителями силовых структур.

– Сегодня у меня был телефонный разговор с моим американским коллегой. Он согласился, что продолжение боевых действий на Ближнем Востоке невыгодно нашим странам. Более детально обсудить этот вопрос мы условились при личной встрече. Я подтвердил президенту США приглашение посетить Российскую Федерацию в ближайшее время. Уверен, что такая встреча на нашей территории позволит согласовать и другие нюансы взаимоотношений наших государств, касающиеся не только дальних, но и ближних соседей. Прошу присутствующих высказаться о тех проблемах, которые имели бы существенное значение при подготовке нашей встречи.

– В связи с обострением геополитической ситуации разрешите напомнить опыт афганской операции, которая предшествовала ослаблению и распаду Союза, – неожиданно взял слово руководитель Главного разведывательного управления Федор Масленников.

Обычно на таких мероприятиях он вел себя сдержанно и, как опытный разведчик, умел держаться в тени, качественно выполнял задачи и не раздражал начальство инициативами, а потому присутствующие наблюдали за его выступлением с осторожным любопытством.

– Тогда наши службы были умело и тонко спровоцированы, – продолжил Масленников. – Нас, как вы помните, «убедили», что эта операция приведет к росту цен на нефть, что было в интересах СССР, но вышло все наоборот. Мы увязли, нас ослабили, и появился повод сделать из СССР страну-изгоя... Автор аналитической записки, обосновавшей наш заход в Афганистан, полковник Самсоненко погиб как-то странно, а его источники были зачищены...

– К чему это вы, Федор Степанович, клоните? – вмешался молодой амбициозный советник президента.

– Сегодня у нас нет ясности в политических моментах: как поведут себя Франция и Германия при ухудшении наших отношений с США, какую позицию займет Китай и можем ли мы до конца рассчитывать на поддержку ряда восточноевропейских стран? Как нет ясности и в некоторых экономических вопросах. И прежде всего может ли упасть цена на нефть, если Соединенные Штаты пообещают арабским странам поддержать Палестину? Есть много рисков, влияние которых нам оценить сложно, – ответил Масленников.

– Не пойму я вас, Федор Степанович, – не унимался советник. – Американцы имеют целые коммерческие армии для достижения нужных им результатов в ситуациях, когда законными методами добиться ничего нельзя. Революции и восстания устраивают, где хотят. Мы долго изучали их опыт и теперь готовы посоревноваться с ними, используя их же методы. Не нужно бояться и вечно отступать. Чтобы научиться побеждать, необходимо пробовать. У нас уже есть успешный опыт, и его нужно развивать.

– И все же мы не успеваем качественно просчитывать все последствия, – возразил Федор Степанович.

Казалось, он волновался, что было и вовсе не типично, ведь собравшиеся за столом люди давно относились к политике как к работе – порой тяжелой, порой приятной, но кропотливой и опасной, ведь, сделав две-три ошибки, можно все потерять.

– Значит, так нужно. На данном этапе. Не переживайте, Федор Степанович. Вы ведь помните, что партию можно проиграть не только из-за неправильного хода, но и если слишком долго над ним думать. Страх ошибиться приведет к тому, что не будет времени этот ход сделать, – на лице советника появилась загадочная улыбочка.

Желающих продолжить обсуждение проблемы больше не было. На повестке дня оставался один вопрос в разделе «Разное».

– Александр Васильевич, мне доложили, что вы хотели сообщить что-то чрезвычайно важное? – президент посмотрел на директора Федеральной службы безопасности.

Александр Шортников поправил очки, он все еще мысленно анализировал выступление Масленникова. Кому оно было адресовано? Записи здесь не ведутся, и не та трибуна, чтобы перед прессой покрасоваться, а вот риски от того, что на рожон полезешь, известны. Если коллега хотел намекнуть на что-то ему, Шортникову, лично, то лично мог бы встретиться и сказать. Впрочем, тогда бы это можно было представить как попытку заговора и отклонения от линии... Зачем он вылез с позицией, которая никому не близка и не выгодна, да еще и выбрал такой формат? Не идиот же он и не враг себе?! Странно... Нужно будет об этом потом подумать.

Шортников собрался с мыслями и, закончив перебирать листы с пометками, тихим, ровным голосом начал доклад:

– Я как раз о наших соседях из ближайшего западного зарубежья хочу доложить. Ситуация там, как известно, беспокойная. И сейчас наша седьмая лаборатория предложила провести уникальный эксперимент по перемещению испытателя из нашего времени в параллельный мир, находящийся в 1647 году, то есть за полгода до восстания запорожских казаков во главе с Богданом Хмельницким.

– А какая польза современной России от перемещения нашего испытателя в Дикое поле? – поинтересовался президент.

– Прямую, непосредственную пользу от этого эксперимента трудно точно рассчитать. Перемещение происходит в параллельный мир, и те изменения, которые должны там произойти, на наши реалии могут повлиять по-разному, в том числе и косвенно.

– Александр Васильевич, еще раз уточните, зачем тогда нам это нужно?

– Существует научная теория, согласно которой имеется целый ряд параллельных миров. И если мы проявим политическую волю и дадим старт эксперименту в наших реалиях, то в параллельных мирах, которых коснутся изменения, возникнет большая вероятность перемен, которые укрепят положение России в нашем мире.

При проведении эксперимента появляется уникальная возможность осуществить комбинацию, при которой Украина не будет разъединена на Левобережную и Правобережную. Она станет более цельной идеологически и исторически. То есть настроения, которые преобладают сегодня в ее восточных областях, распространятся на центр и запад.

– Значит, тогда исчезнет почва для конфликта? – тихо спросил президент.

– Конечно, – подтвердил Шортников, – ведь в этом случае на Переяславской раде Украина будет целиком присоединена к России. Это сможет изменить политическую расстановку сил в нашу пользу. Риски при этом минимальны, поэтому отказываться от проведения перемещения, считаю, не стоит. Затраты также символичны. Но обращаю ваше внимание, господин президент, что по времени мы зажаты в тиски. Благоприятные условия, при которых биогравитационная составляющая позволяет открыть портал в иной мир, будут устойчиво сохраняться только в течение двух недель в конце июня. Поэтому необходимо оперативно утвердить кандидатуру посланника и за оставшееся время провести с ним подготовительную работу.

– Хорошо, Александр Васильевич, готовьте эксперимент, – коротко резюмировал подуставший президент и покинул зал заседаний.

Час спустя. Лубянка. Кабинет директора ФСБ

Шортников срочно вызвал руководителя проекта «Переяславская рада» Николая Китаева.

– Присаживайся, Николай Семенович. Президент дал добро на проведение эксперимента по перемещению в Дикое поле нашего испытателя. Вы уже подобрали подходящую кандидатуру?

– Да, Александр Васильевич, есть у нас человек на Украине, преданный России, проверенный временем. Это политолог Владимир Сергеев. Первоначальную подготовку с нашими сотрудниками он уже прошел. Ему объяснили суть метода по перемещению в параллельный мир, информировали о возможных рисках. Он готов все риски, связанные с последствиями участия в эксперименте, принять на себя. Правда, некоторые опасения у него все же остались. Поэтому мы подготовили для него еще одну встречу, о которой я доложу вам немного позже.

Теперь о задачах, которые стоят перед нашим посланником. Переместившись в 1647 год, то есть за полгода до начала смуты на Украине, ему необходимо сблизиться с Богданом Хмельницким и убедить его после битвы под Желтыми Водами пойти со своим казачьим войском на Варшаву.

– Задача, прямо скажем, не из легких. И в каком же образе политолог Сергеев предстанет перед будущим гетманом Запорожской Сечи, чтобы тот проникся к нему доверием?

– Самый подходящий – образ богомольца, странника из земли обетованной. Зная слабость Богдана к людям просвещенным, много повидавшим на своем веку, думаю, существует большая вероятность, что Хмельницкий прислушается к речам божьего человека. К тому же этот образ не предполагает участия самого Сергеева в боевых действиях, что позволит ему рисковать своей жизнью в меньшей степени.

– Но пока наш испытатель доберется до Хмельницкого, ему необходимо как-то существовать, и желательно не бедствовать. Можем ли мы обеспечить ему нормальное материальное положение в параллельном мире?

– Да, Александр Васильевич, мы располагаем сведениями о местонахождении кладов, которые найдены в наше время, но заложены до 1647 года. Имея эту информацию, Сергеев сможет найти их и использовать как для достойного существования, так и для убеждения Богдана.

– Хорошо. Теперь поговорим о деталях эксперимента. На каком опыте основывается данный проект? Где планируется произвести перемещение нашего испытателя?

– Подобные эксперименты успешно проводились на Украине группой ученых более 20 лет назад. Документы по осуществлению перемещений переданы нам агентом, проходящим под псевдонимом «Седой». Одним из участников данных экспериментов был тележурналист из Лугани Иван Черепанов. Это и есть наш второй положительный фактор в подготовке Сергеева, о котором я вам ранее докладывал. Дело в том, что Черепанов и Сергеев в молодости были приятелями. Это позволит во время неформальной дружеской беседы еще более укрепить уверенность нашего испытателя в своих силах. Сами понимаете, Александр Васильевич, в таком деле поддержка старого товарища многое значит.

Седой уже вышел на связь с журналистом и изложил наше предложение принять активное участие в подготовке перемещения. Правда, пока Черепанов не дал положительного ответа, попросив несколько дней на размышление. Но вы же знаете Седого, он умеет уговаривать людей.

Что касается места проведения эксперимента, то считаю необходимым повторить переход там же, то есть на Украине. Мы рассматривали возможность перенесения эксперимента

на территорию Российской Федерации или, например, на Байконур. Однако, учитывая геологические особенности поверхности земной коры, решили не рисковать. Да и зачем? Имеется место, которое позволяет сконцентрировать биоэнергетические, гравитационные, временные и геомагнитные составляющие максимально благоприятно для перемещения. К тому же у нас попросту нет времени заниматься поисками другой, настолько же удачной местности.

Кроме того, расчеты наших специалистов дают основания для уверенности, что из этой точки посланник попадет в тот временной промежуток, который нам необходим. А именно в 1647 год, за полгода до того, как Богдан Хмельницкий поднял запорожских казаков на смуту. И если нам удастся повлиять на дальнейшее развитие событий, ход истории можно будет повернуть в нужное нам русло, – почти торжественно закончил подполковник Китаев.

– Ну что ж, Николай, информация по проекту «Переяславская рада» достаточно подробная. Оставь мне свои записи, необходимо уточнить некоторые детали. Лично проконтролируй ход встречи Седого с Черепановым и доложи мне о решении, которое примет журналист. Детально проинструктируй нашего агента о том, как Черепанову следует провести беседу с Владимиром Сергеевым. У нас не будет другого такого шанса, поэтому исход этих двух встреч, как и самого перемещения, должен быть однозначно положительным.

– Разрешите выполнять! – козырнул Николай Китаев и вышел из кабинета Шортникова.

Выбравшись из довольно прохладных коридоров Лубянки на улицу, Николай и тут не ощутил, что весна в самом разгаре. Опять зарядил мелкий затяжной дождь. Вот уже третий день небо над Москвой было затянуто тучами, и перспективы просвета не наблюдалось. «Ничего, – подумал Китаев, усаживаясь в служебный автомобиль, – сегодня вечером буду на Украине, в Лугани. Там, по нашим меркам, уже почти лето. Вот где отогреюсь на солнышке».

Украина. Лугань. Святоозерье

Приехав на дачу своих друзей, Иван первым делом растопил баньку. Он любил этот ритуал и не понимал, зачем некоторые его знакомые ходят в сауну под пиво с воблой, да еще и отягощают процедуру барышнями определенного поведения. По мнению Черепанова, это являлось не просто глупостью, но и оскорблением традиций предков, которые веками создавали культуру очищения тела и души. В баню надо идти, обязательно настроившись на очищение, говаривала его бабушка Маруся. «Если приболел или на душе тяжело, иди париться. Пар – он всю хворь и дурь из тебя выдавит и пустые думы прогонит. Выйдешь из баньки чистым как младенец», – учила она.

Поэтому Иван готовился к банному ритуалу без суеты, степенно и неторопливо. Особо важным, по его мнению, был выбор веничка. Иван уважал и дубовый, и березовый, но особенно любил душистый хвойный, желателен можжевельный, чтобы пробирало до последней клеточки и косточки. Хвойный веничек перед банной процедурой он хорошенько томил в горячей воде, чтобы потом не хлестать, а как будто бы гладить кожу. И когда уже совсем не вмоготу было в парилке сидеть, доставал распаренные хвойные ветки и от души хлестал свое мокрое, разомлевшее тело. А после того как вся хворь и глупые мысли выйдут, Черепанов любил окунуться в прорубь зимой или вылить на себя ушат холодной воды летом. Затем следовало закрепить эффект травяным душистым чаем с медом и только после этого отнести свое брренное, измученное тело в постель и, приняв горизонтальное положение, хорошенько выспаться...

На следующий день Иван проснулся с рассветом и почувствовал, что будто заново на свет появился. Все же права была его мудрая бабушка, никакой алкоголь, кофе или энергетик не смогут так снять стресс и привести мысли в порядок. Чтобы разобраться с проблемой, тем более такой, надо рассуждать трезво и принимать решение только на свежую голову.

Черепанов еще раз прокрутил в уме разговор с Гнатенко.

– Нужна твоя помощь, Иван, – мягко, словно отец родной, произнес старый знакомый, отпивая горячий кофе, но взгляд его прищуренных глаз пронизывал насквозь.

– Интересно, Игорь Алексеевич, чем же я могу помочь столь влиятельной структуре? – с сарказмом спросил Черепанов.

– А ты не ерничай, Ваня, лучше послушай, что тебе скажу. Ты же человек продвинутый, сам видишь, как накалились отношения с нашим восточным соседом. Причем противостояние идет и политическое, и экономическое. Снять напряженность важно для каждого жителя Украины. Ты посмотри, как душат нас и с востока, и с запада. И те, и другие рассказывают, какие сказочные условия создадут, если мы примем чью-либо сторону. Сейчас Украина, как чужая невеста, всем хороша, но стоит только Киеву под кого-то пойти, как гайки прикрутят, и будем, как нелюбимая невестка, крошки со стола собирать. Но есть очень интересный, а бы даже сказал, нестандартный способ повлиять на ситуацию через параллельный мир.

– Э нет, Игорь Алексеевич, еще один переход в параллельные миры я не выдержу! – от неожиданности Иван чуть не поперхнулся.

– Не кипятись, как раз тебе никуда перемещаться не придется. Для нового эксперимента уже подобрана и согласована кандидатура, нужно просто проинструктировать нашего испытуемого. Ведь, кроме тебя, ТАМ никто из нас не был. А кто был – те далече. Одним словом, нужна твоя помощь как консультанта. Тем более что испытуемый – твой хороший знакомый. Это Владимир Сергеев, – спокойным, как бы равнодушным голосом резюмировал Гнатенко.

Такого поворота Черепанов ну никак не ожидал. Он хорошо знал Владимира еще с избирательной кампании 1994 года, когда Иван, начинающий тележурналист, выдвигался

кандидатом в парламент и в соавторстве с Сергеевым делал передачи на областном телеканале Лугани. Старший брат Сергеева Дима был тогда популярным в регионе журналистом и влиятельным общественным деятелем. В начале 90-х Дмитрий стал одним из создателей общественной организации «Движение за справедливость». Времена были непростые. На карте стояла судьба «большой родины» и целого поколения, вышедшего из СССР. В Украине в те годы начали набирать силу и национальные движения. Разные взгляды на историю и попытки трактовать ее в выгодном для концепции той или иной политсилы свете приводили к конфликтам в обществе, без чего в истории и не бывает.

Для Черепанова любить Украину вовсе не означало не любить Россию или Польшу, и никто, по его мнению, не имел права монополизировать эту любовь. Дмитрий тогда активно окунулся в новый политический процесс, участвовал в диспутах с представителями правых течений, всячески пытаясь защитить «советскость» – все то, что многими тогда еще воспринималось вполне искренне.

Володя во всем поддерживал старшего брата, старался ему подражать. Как и Дмитрий, Владимир увлекся журналистикой и общественной деятельностью. Вот тогда Иван и познакомился с ним. Вместе они сделали несколько довольно интересных проектов, хотя Черепанов далеко не всецело разделял просоветскую ностальгию Сергеева. Но затем судьба развела их, и они потеряли связь.

Лет десять назад Иван слышал о трагической гибели Дмитрия и знал, что Володя окончательно перебрался в Киев, где продолжил дело брата, возглавив одну из просоветских, а теперь уже пророссийских общественных организаций. Изредка Черепанов видел Владимира по телевизору в различных политических ток-шоу и ловил себя на мысли, что многое из того, что в молодости казалось ему очень важным и принципиальным, на самом деле является не столь важным и не очень-то принципиальным.

– Да уж, Игорь Алексеевич, вы сегодня мастер преподносить сюрпризы. Прямо фокусник, который достает из рукава то шелковый платок, то кролика.

Иван допил кофе и машинально подошел к мойке, чтобы вымыть чашку. Холодная вода из крана слегка охладила его, вернув ход мыслей к действительности.

– Надеюсь, это все, или вы еще сюрпризы подготовили? – поинтересовался он.

– Есть один небольшой нюанс в предстоящем эксперименте. В отличие от твоего перехода в параллельный мир, данное перемещение будет осуществлено еще и во времени – в эпоху освободительной войны под предводительством Богдана Хмельницкого.

– А вот это действительно что-то новенькое, – опешил Черепанов. – Насколько я помню суть разработок профессора Гнатюка, это касалось существования параллельных измерений и возможности трансформации материи в условиях сильнейшего радиоактивного излучения или взрыва. Непосредственным участником такого перехода, как вам известно, я действительно стал. Но ни о каких перемещениях во времени, тем более на три столетия назад, и речи не было. Это что еще за «Иван Васильевич меняет профессию»? Да и зачем посылать заядлого политрука Володьку к запорожским казакам, к Богдану? Какая здесь связь с нынешней внешней политикой Украины? Бред какой-то! Ничего не понимаю!

– Что касается перемещения во времени, так ведь наука не стоит на месте, Иван. Методики Захара Гнатюка были тщательно изучены российскими учеными. Ты же знаешь, что сейчас Москва денег на науку не жалеет, в отличие от нас. Да и свои разработки у россиян тоже давно велись, еще с начала прошлого столетия. Булгаков-то, наверное, не на пустом месте свои романы сочинял.

Связав между собой данные различных научных направлений, светлые головы из Сколково вычислили, что в недрах планеты существует некая энергетическая линза, фокус которой направлен на поверхность междуречья Днепра и Дона. При определенных геофизических условиях, на которых я детально останавливаться не буду, возможен переход не только

в пространстве, но и во времени. К сожалению, эксперименты, проведенные на территории СНГ, успеха не принесли, а в нашей местности получен положительный результат. Правда, во времени подобный переход осуществить сложнее, нежели в пространстве. Но именно сейчас такая возможность открывается. И как раз в интересующий нас временной период – в 1647 год, незадолго до восстания Богдана Хмельницкого.

А как использовать при перемещении испытателя эти исторические факты с пользой для наших дней – это специальная тема. Давай-ка, Иван, завари еще кофейку, и продолжим обсуждение наших непростых дел...

Постепенно в голове Ивана созревал план его дальнейших действий. Отдохнувший, посвежевший, он уже был готов к тому, чтобы снова окунуться во все эти проблемы, в городской круговорот – в то, что он называл жизнью.

Лугань. Гостиница «Miner palace»

Николай Семенович Китаев поселился в одной из лучших гостиниц Лугани накануне вечером. Ему понравились классический интерьер и действительно ненавязчивый сервис этого отеля. Когда утром он вышел в холл, приветливые девушки на ресепшене предложили ему свежую прессу. Услужливый парень из ресторана поинтересовался, не угодно ли ему чая или кофе. В углу за белым роялем уже немолодой, но довольно подтянутый музыкант в сером жилете поверх такой же белоснежной, как и его инструмент, рубашки наигрывал спокойную классическую мелодию. Создавалось впечатление, будто находишься не в провинции бывшего Советского Союза, а в каком-то европейском городе.

Но определяющим моментом в выборе гостиницы для Китаева стал не западный лоск и комфорт. Он точно знал, что охрану этого объекта осуществляет охранное агентство, подконтрольное Гнатенко. Так что все записи с камер наружного наблюдения, без которых заведения такого уровня уже давно не существуют, Гнатенко, он же Седой, изымет и подчистит. Поэтому, не мудрствуя лукаво, Китаев решил провести встречу с Седым в просторном холле отеля сегодняшним утром. Взяв пару свежих газет, он уверенно направился в дальний угол зала, где его уже ждали.

– Доброе утро, Игорь Алексеевич! – бодро произнес Китаев, протягивая гостю руку.

Рукопожатие украинского коллеги было достаточно крепким и уверенным.

– Доброе, Николай! Как долетели, хорошо ли вас здесь приняли? – задал скорее риторический вопрос Гнатенко.

– Все в порядке, наконец-то сбежал из слякотной Москвы. У вас здесь и погода, и люди довольно приветливые. Кстати, Александр Васильевич лично велел вам кланяться. С церемониями затягивать некогда, поэтому сразу к делу. Как идет подготовка эксперта по перемещению? Черепанов готов к сотрудничеству?

– Через час у меня с ним здесь же запланирована встреча, и, судя по уверенному голосу во время нашего телефонного разговора, он готов участвовать.

– Вот и славно. Окончательные расчеты по переходу на этой флешке, которую вам передаю. Теперь о деталях. Насколько мне известно, Сергеев хорошо знаком с той эпохой, владеет двумя иностранными языками, а его ораторские способности и талант убеждения неоднократно продемонстрированы в дискуссиях с серьезными идеологическими оппонентами. Его главная задача – войти в доверие к Богдану Хмельницкому под видом странника-богомольца, паломника из святых мест.

Необходимо убедить Хмельницкого после победы над поляками под Желтыми Водами пойти дальше, на Варшаву, не соглашаться на перемирие со шляхтой и постоянный союз с крымским ханом. Как известно, и те, и другие своих обязательств перед запорожскими казаками не выполняли. Мы надеемся, что Богдан, проявив решительность, объединит под своими знаменами всю Украину, вследствие чего во время Переяславской рады под высокую руку московского государя перейдет не только Левобережная, но и остальная Украина.

По нашим замыслам, в дальнейшем это положительно повлияет на политическую стабильность в стране, и при распаде СССР в том, параллельном мире Киев останется в союзе с Москвой. А возможно, что никакого распада Союза и вовсе не произойдет. И хотя пока не понятно, как это отразится на нашей действительности, светлые головы из Сколково почему-то уверены, что подобное развитие событий в иных измерениях некой второй волной повлияет на принятие глобальных решений в нашу пользу здесь.

– Да, лихо закручен сюжет... Ну что ж, Николай, суть эксперимента я понял. Задачу Владимиру на словах передам. Теперь о материальном. Нам необходимо обеспечить его какими-то средствами, чтобы он не нуждался, да и просто не умер с голоду.

– На этой флешке, кроме легенды и инструкций, имеется файл с картами, на которых отмечено расположение кладов, заложенных до 1647 года. После перемещения Сергея может воспользоваться этими средствами как для обеспечения достойной жизни, так и для дополнительного убеждения Хмельницкого в своих способностях прорицателя. Для большей убедительности хочу снабдить вас древними рукописями и картами. Не оригиналы, конечно, но очень хорошая работа наших специалистов.

Китаев передал Седому скрученные в трубочку свежие газеты Лугани, которые менее получаса назад взял на ресепшене. Внутри рулона действительно прощупывались плотные листы свитков.

– На сегодня все. О точном времени и дате начала эксперимента сообщу дополнительно. Сегодня жду информацию о встрече с Черепановым. А завтра сам пообщаюсь с Сергеевым. До свидания, Игорь Алексеевич, – резюмировал Китаев и неторопливой походкой скрылся в лифте отеля.

Через две минуты он по телефону докладывал директору Федеральной службы безопасности Александру Шортникову, что подготовка к эксперименту идет по плану. А еще через 15 минут в том же холле гостиницы «*Miner palace*» к интеллигентному пожилому мужчине с седыми волосами подошел известный в Лугани тележурналист Иван Черепанов.

– Рад тебя видеть, Иван, в хорошем настроении. Судя по всему, недельное отшельничество пошло тебе на пользу. Чем порадуешь старика, какое решение принял?

– Игорь Алексеевич, вы же сами понимаете, что сделали мне предложение, очень напоминающее ход конем. С одной стороны, охота послать вас куда подальше вместе с вашими ненормальными замыслами. С другой стороны, в этот эксперимент вы уже втянули Володю Сергеева – человека, мне не чужого. Не хочется бросать его в этой ситуации, а потом, если вдруг чего, мучиться, что мог бы помочь, но не сделал этого. Помочь не вам, а ему, конечно. Если с Володькой что-то произойдет, я себе этого не прощу.

– Все в будет в порядке, Ваня, тем более с твоей помощью. Кстати, буквально два часа назад Владимир приехал в Лугань, я встречал его на вокзале. Он просил передать тебе новый номер своего мобильного. Твой номер без твоего согласия я давать ему не стал. Так что наберешь старого друга. Вам будет о чем поговорить.

– Да, Игорь Алексеевич, не забудьте еще о таком моменте. Никаких обязательств и ограничений я на себя не принимал и не принимаю. За язык я вас не тянул, посвящать в ваши секреты не просил. Но коль вы это сделали, то автоматически втянули меня в эту историю, и теперь я тоже несу ответственность за задуманные вами «чудеса». Так что у вас свои мотивы, у меня – свои, регулируемые исключительно моей совестью и пониманием того, что я за свои действия отвечаю перед Богом и близкими. Поэтому не вздумайте шалить и игнорировать мои мнения.

– Ого! Ты еще попугай меня тем, что в эфире все выболтаешь.

– Если такая необходимость появится, все возможно. Во всяком случае, если выяснится, что ваша деятельность идет во вред людям.

– Каким людям, Ваня? Тем, кто всех лбами сталкивает?

– А кто их сталкивает, тоже еще надо разбираться...

– Ну ладно тебе, правдолюб хренов, погорячились – и будя, я, что ли, по-твоему, не хочу жить в мире и стабильности? Или детям своим этого не желаю?

Черепанов сухо пожал руку Гнатенко. Может, и не стоило раньше времени обнаруживать свою позицию, чтобы не утратить контроль над процессом, невольным участником которого он стал и от которого может зависеть судьба нескольких поколений людей. С другой стороны, жизнь научила, что не стоит в подобных ситуациях ни под кого подстраиваться. Он поступил так, как считал нужным, и точка.

* * *

Вечером того же дня Иван принимал у себя Сергеева. Ольга с Лешкой поехали на несколько дней к родственникам погостить, поэтому в доме воцарился небольшой холостяцкий беспорядок. Иван предусмотрительно заскочил в ближайший супермаркет, купил готовых салатов и прочей снеди, а также прихватил бутылочку хорошего коньяка. В данном случае этот напиток был как нельзя кстати.

Ровно в шесть вечера Сергеев нажал кнопку домофона квартиры Черепанова. «Сова, открывай, Медведь пришел!» – раздался в динамике знакомый голос и знакомый пароль. Через минуту Владимир уже стоял на пороге и обнимал своего старого товарища.

– Вот уж не предполагал, что когда-либо нам придется встретиться при таких странных обстоятельствах. Это сколько же лет мы не виделись?

– Да, пожалуй, лет 15 прошло, а то и больше, – ответил Иван, вспоминая их последнюю встречу по завершении избирательной кампании 1994 года.

По результатам выборов в парламент тогда прошел – не без помощи Черепанова – Роберт Карлович Яузе, авторитетный в городе представитель «красного директората». В первом туре неожиданно для него, директора крупнейшего предприятия Лугани, молодой тележурналист вышел на третье место. Прямой конкурент Яузе, лидер местной коммунистической организации, набрал примерно такое же количество голосов, как и Роберт Карлович. Понимая, что теперь электорат Черепанова может сыграть решающую роль, Яузе предложил Ивану сотрудничество. Результат этого сотрудничества, который заключался не только в прямой агитации, но и в креативной работе всего штаба «красного директора», выстроенной по рекомендациям Черепанова, дал нужный Яузе результат.

Победу Роберта Карловича отмечали узким кругом, в число приглашенных попали и Иван Черепанов с Володией Сергеевым. Хорошо тогда посидели, душевно, по-домашнему, без пафосных речей, свойственных номенклатурным застольям.

Вспомнив ту встречу, Черепанов невольно подумал, что в последнее время такие моменты в его жизни случаются все реже. Поэтому он радовался встрече с Сергеевым – человеком из того времени, когда они были моложе и беззаботнее, решительнее и неосторожнее.

– Рад тебя видеть, Володька! А ты почти не изменился, только солидности и килограммов немного прибавил. Располагайся как дома. Особых изысков не предлагаю, но кое-что под рюмку чая все же приготовил. – И Черепанов проводил гостя в комнату, где уже был накрыт небольшой столик.

– Да ладно, не суетись, Иван. Я ведь не поужинать приехал, хотя и это весьма приятное занятие. Мне твой мудрый совет нужен, как пройти сквозь пространство и время, оставшись при этом живым и невредимым, да еще и ухитриться выполнить свою очень непростую миссию, – на последних словах Сергеев сделал особое ударение.

– Не гони коней, Володя. Давай-ка для начала выпьем за встречу, за жизнь побеседуем, а затем уже по существу нашего эксперимента поговорим.

Черепанов не спеша откупорил бутылку коньяка и плеснул благородный напиток на дно пузатых фужеров. Друзья традиционно чокнулись, выпили и, закусив оливками, продолжили свою беседу.

– Рассказывай, как твоя жизнь в столице наладилась. Женился, наконец, обосновался? Или до сих пор в поиске, холостякуешь? – Иван с искренним любопытством задал этот вопрос Сергееву.

– Да нет, так и не женился. Все как-то не до личной жизни мне, Иван. Вроде и возраст уже предполагает, но не лежит душа ни к кому. А после смерти брата – как бы тебе это

объяснить? – ну, не это мне кажется главным. Да ведь семья – она многие возможности ограничивает. Возьми хоть наших лидеров, почти все ради жен и детей шли на компромиссы и с законом, и с совестью. А если обратиться к истории, та же Троя из-за Елены пала, и если бы не чувства к Мотроне, то и наш Богдан Хмельницкий пошел бы на Варшаву.

Что ж до меня, то я на этот эксперимент согласился ради того, чтобы всем доказать правоту Димки. Нельзя нам врозь жить, распад Союза – это главная ошибка наших современников. Только вместе мы – сила, а поодиночке вон что получается. Дошли до того, что скоро войной пойдет на нас «старший брат» или экономическую блокаду устроит. Вот бы все назад вернуть, чтобы не было никакого распада СССР, чтобы, как и прежде, оставались мы сильной единой державой. Тогда и наши националисты голову бы не посмели поднять. А то ведь они уже к верховной власти подобралась. Знаешь, Ваня, я что-то стал опасаться, что мне в этом мире, как и моему брату, не хватит здоровья, сил и времени, чтобы их победить. Поэтому я с радостью согласился участвовать в эксперименте.

Иван с грустью посмотрел на Сергеева. Тот повесил пиджак на спинку кресла, слегка ослабил галстук, повязанный поверх белоснежной сорочки, и расслабился. Он действительно остался где-то в том далеком, забытом прошлом с его комсомольскими собраниями, политинформациями и верой в такую модель устройства мира, которую внушали с детства.

Черепанов поймал себя на мысли, что ему очень хочется поспорить с Володькой. Да, в советском мире было много положительного – больше стабильности, меньше преступности, полное отсутствие безработицы, но было и много того, что давило на человека, на возможность его самореализации. И нынешние политические лидеры далеко не сахар, половина из них погрязли в коррупции и практически ничего не делают для людей, заняты только своими проблемами. Но поворачивать время вспять, чтобы снова снимать сюжеты о передовиках производства, воспевать глупость партийных бонз, ездить на «Волге» и быть несвободным, – этого Ивану точно не хотелось. И какие бы доводы ни приводились, нельзя возвращаться назад – никуда! Ни в Киевскую Русь, ни в Орду, ни в СССР. А позитивный опыт прошлого нужно использовать для продвижения вперед.

Но Иван чувствовал, что Володька не только не воспримет эти аргументы, которые ему приводили наверняка не один раз, но в таком виде они его лишь озлобят, ранят и закроют возможность их общения, а значит, лишат Ивана возможности хоть как-то влиять на развитие ситуации. Потому что эти аргументы никак не вписываются в выбранную Сергеевым концепцию и, по сути, лишают всякого смысла то, что он сделал делом своей жизни и от чего никогда не отступит.

– Ну давай, за то хорошее и настоящее, что в нас осталось, – неожиданно для себя предложил Черепанов.

Услышав тост, Сергеев подхватил бутылку, плеснул янтарную жидкость в фужеры, жестом пригласил друга присоединиться и одним глотком выпил содержимое.

– Но я бы на твоём месте, Володя, больших надежд на переход не возлагал, да и «старшего брата» не слишком идеализировал. Не все так однозначно в другом измерении, – продолжав примеру приятеля, продолжил Черепанов. – Я дважды прошел через это испытание и все больше убеждаюсь: не стоит современникам вмешиваться в дела давно минувших лет. Не уверен, что это даст ожидаемый эффект. Как бы дров не наломать там, в прошлом. И на каком основании мы, простые смертные, решили, что имеем право вмешиваться в такие серьезные исторические события?

Это – во-первых. А во-вторых, представь, каково тебе будет оторваться от родных корней и заново возродиться в другом мире? Более того, у тебя начнется другая жизнь, рядом окажутся люди, которые постепенно станут тебе родными и близкими. А по окончании эксперимента, когда ты уже вращаешься в новую сущность, а может быть, и пустишь корни в ином

измерении, тебе опять придется все оставить и вернуться в наш мир. Парень ты стойкий и крепких убеждений, но такие нагрузки на психику не каждый способен выдержать.

Я не отговариваю тебя, хотя, если честно, хотелось бы. Понимаю, ты принял решение, и спорить бесполезно. Но для меня очень важно, чтобы ты понял, насколько велика ответственность, которая ложится на тебя. Задумайся, каким испытаниям ты себя подвергаешь и ради чего? Существует мудрая поговорка, что два переезда равны одному пожару. Так вот эти пожары пройдут через твое сердце в буквальном смысле слова. И каким ты вернешься назад, с какими убеждениями – тоже неизвестно.

Как ни пытался Черепанов не «обострять углы», избежать некоторой «конфронтации» все же не удалось. Дебаты под коньячок затянулись далеко за полночь, но из мирного русла не вышли. При этом каждый остался при своем мнении. Но слова Черепанова прочно засели в голове Сергеева, и червь сомнения завелся-таки в его сознании. «Ну что ж, чем сложнее задача, тем интереснее ее решить», – вспомнил Владимир, засыпая, любимую поговорку. Вечером ему предстояла еще одна важная встреча – с сотрудником российской Федеральной службы безопасности Николаем Китаевым, а до этого следовало проштудировать инструкции, легенду, подготовить вопросы...

Лугань. Центральный городской парк

Сергеев давно не бывал в этом парке. Еще каких-нибудь шесть лет назад он напоминал заброшенный сад. Немногочисленные посетители старались не заходить вглубь заросших сорняком аллей, почти все скамейки были поломаны, чаша центрального фонтана завалена пустыми бутылками и прочим мусором, аттракционы работали через один.

Сейчас же парк переживал свой расцвет. Он поразил Владимира буйством красок. Не каждая столица может похвастать таким количеством цветов на квадратный метр. Помимо американских горок, центрифуг и прочих развлечений, были и небольшие игровые площадки с качелями для малышей. Из старых аттракционов сохранились, пожалуй, только колесо обозрения и комната смеха. Под веселую музыку, раздающуюся из динамиков, в многочисленных кафе жарился шашлык. Два новых фонтана по вечерам подсвечивались разноцветными огнями. А главное, кругом идеальная чистота, безупречно подстриженные газоны, аллейки, мощенные камешек в камешек. Одним словом, праздник жизни какой-то.

Из своего детства Сергеев запомнил совсем иную картинку. Вместе со старшим братом Дмитрием они целыми днями пропадали здесь, в районе лодочной станции, прихватив из дому только несколько кусков хлеба. По выходным на танцевальной площадке играл духовой оркестр. Романтичные парочки важно прохаживались по дорожкам парка в своих лучших нарядах. В киоске возле фонтана всего за девятнадцать копеек можно было купить самый вкусный на свете пломбир.

В хорошую погоду мальчишки прыгали с «тарзанки», плавали наперегонки. Самые отчаянные на спор переплывали ставок туда и обратно. Как-то двенадцатилетний Вовка Сергеев тоже поспорил с пацанами, что переплывет ставок в самом широком месте. Причина его необычайной смелости была проста: рядом с компанией мальчишек расположились девочки, и Володке очень хотелось доказать, что он не слабак какой-то, а вполне взрослый парень. Если бы в тот момент рядом был брат, этот спор, наверное, закончился бы в самом начале. Но Дима со старшими ребятами как раз пошел в тир пострелять.

Владимир хорошо помнил, как легко проплыл несколько десятков метров, он даже обернулся, чтобы помахать рукой стоящим на берегу товарищам. Но последующие гребки давались все труднее и труднее. Больше всего ему хотелось ухватиться за что-нибудь, передохнуть, хотелось, чтобы старший брат Димка сейчас оказался рядом и подставил свое крепкое плечо. Взмах, еще взмах рукой – и Вовку стали окончательно покидать силы. Он услышал крики друзей на берегу, потом разок глотнул противную жидкость, и внезапно вода накрыла его своей зеленой тишиной.

Что было дальше, Володя помнил смутно. Это уже потом ему рассказали, что, осознав опасность, ребята помчались в тир, чтобы позвать Дмитрия, и он, крепкий студент-второкурсник, в два счета преодолел расстояние от берега до середины ставка, где минутой раньше ушла под воду макушка младшего брата. Очнулся Вовка уже на берегу. Рядом стояли перепуганные товарищи. Они растерянно таращились на него, а брат тихо прошептал: «Слава богу, живой...» Это уже потом он врезал Вовке по уху и строго-настрого запретил рассказывать дома о том, что произошло в парке.

Прогуливаясь почти через тридцать лет по благоустроенной набережной, Володя чувствовал, что представляется возможность отдать долг брату. Этот вопрос долгие годы мучил его, особенно после того как Дмитрий ушел из жизни. И вот наконец появился шанс совершить ради него что-то стоящее. Это, конечно, не вернет брата, но его дело будет продолжено. А возможно, и приобретет новое, неожиданное развитие.

– Добрый вечер, Владимир! – прервал раздумья Сергеева голос Китаева.

Куратор был среднего роста, среднего возраста и вообще средней, ничем не приметной внешности. Владимир уже давно заметил, что эти «товарищи» умеют сливаться с толпой и оставаться незаметными в любой, даже самой критической ситуации.

– Рад видеть, вы, как всегда, образец пунктуальности, – продолжил Николай, крепко пожав руку Сергееву и жестом пригласив его присесть на ближайшую скамейку. – Не будем терять драгоценного времени, давайте сразу к делу. Наш общий знакомый должен был передать вам информацию о деталях операции. Уверен, вы успели ознакомиться с инструкцией, вашей легендой и другими деталями. Какие-нибудь вопросы будут?

– Видите ли, Николай Семенович, возникает у меня сомнение, а по Сеньке ли шапка? Судя по задачам, вам впору перемещать не политолога с академическим образованием, а некоего Шварценеггера, Супермена и Ван Дамма в одном лице. Насколько я понимаю, одних убеждений для выполнения такого, мягко говоря, непростого задания будет маловато.

– Правильно понимаете, Владимир. Именно поэтому мы с вами начали работу задолго до времени «Ч». Если вы обратили внимание, перемещение должно произойти не завтра. Согласно нашим расчетам, самое благоприятное время – конец июня. Поэтому открывается возможность подготовить вас не только морально, но и физически. Хорошо изучив вас, мы пришли к выводу, что за три неполных месяца, которые остались, вы сможете успешно пройти курс молодого бойца. Подготовку проведут наши лучшие инструкторы, причем недалеко от места перемещения – в Чернобыле.

– Вот спасибо! Мне еще не хватало «подзарядиться» радиацией на дорожку, – Сергеев от неожиданности даже поежился.

Перед глазами промелькнули картинки «мертвого» города Припять, где ему довелось побывать лет пятнадцать назад в составе делегации общественных экспертов. Воспоминания были не из приятных.

– Не переживайте, Володя. На самом деле опасность получить облучение в нынешнем Чернобыле ровно такая же, как и во время нашей прогулки неподалеку от того террикона, – взглядом Китаев осторожно указал на один из холмов, возвышавшихся посреди Лугани, и продолжил: – Уровень радиации в Чернобыле уже давно соответствует всем нормам. Кстати, некоторые бывшие жители зоны отчуждения давно это поняли, вернулись нелегально в свои дома и там прекрасно себя чувствуют. Тяжелобольных среди них точно нет. Вы же понимаете, что и России, и Украине невыгодно сейчас рассказывать об истинном положении дел на ЧАЭС и прилегающей территории. Хоть какая-то страшилка должна оставаться. Более того, в этой практически безлюдной местности очень удобно размещать некоторые объекты, чтобы они остались незаметными для посторонних глаз.

– Не перестаю удивляться предусмотрительности вашей организации, – улыбнувшись, констатировал Сергеев. – Ладно уж, рассказывайте, когда отправляться и в чем будет заключаться так называемый курс молодого бойца.

– Выезжаем прямо завтра на моей машине – так безопаснее. Надеюсь, что родным и близким вы уже объяснили, что исчезнете из их поля зрения на определенное время.

– Да, сказал, что уезжаю в одну из горячих точек дальнего зарубежья. Причем, как теперь понимаю, сообщил практически правду.

– Можно и так сказать. Так вот, вам придется пройти курс выживания в экстремальных условиях, что подразумевает несколько этапов. Первый – выживание при любых климатических условиях: в жару и холод, дождь и снег. Второй – выживание при полном отсутствии еды, воды и, возможно, одежды. Третий – изучение азов самообороны и владения холодным оружием. И в-четвертых, вам, Владимир, необходимо подтянуть знание языков – польского, татарского, латыни. Вопросы?

– Появились и вопросы. А почему вы считаете, что мне может пригодиться курс выживания, например, в условиях зимы? Если не ошибаюсь, то перебрасывать меня будут летом?

– От непредвиденных обстоятельств, Владимир, еще никто не застрахован. Тем более в таком рискованном деле, как наше. Поэтому лучше подстраховаться со всех сторон. Поверьте, лишней эта подготовка не будет. И еще, как вы относитесь к животным, например к собакам?

– Да в общем лучше, чем к кошкам. В детстве у нас с братом был спаниель. Довольно дружелюбный и милый пес, любимец всей семьи. А причем здесь моя любовь к собакам?

– Видите ли, при перемещении в другое измерение происходит выброс энергии или взрыв, во время которого два человека погибают и лишь третий совершает переход. Насколько мне известно, Черепанов вам об этом тоже рассказывал. Так вот, благодаря светлым головам из Сколково удалось разработать технологию, которая позволяет избежать подобных жертв. Не буду вдаваться в подробности, как это происходит, остановлюсь на другом. Перемещаясь из прошлого в наши дни, такую технологию применить не удастся. И для того чтобы не погибли люди, мы предлагаем вам, Володя, приручить животных – двух крупных собак, которые выполняют функции проводников. Да и в другом измерении с такими верными охранниками вы будете чувствовать себя безопаснее.

– Понятно, что смерть животных не столь трагична, как гибель людей. Хотя я не уверен, что такая потеря окажется для меня меньшей утратой.

– Не будьте слишком сентиментальны, Владимир. Поверьте, по сравнению с задачей, которая перед вами стоит, потеря двух животных – самая малая утрата. Если больше вопросов нет, то завтра ровно в шесть утра я заеду за вами. Ничего лишнего с собой не берите. Только самые необходимые вещи. До встречи! – с этими словами Китаев энергично встал, пожал Владимиру руку и быстро удалился по одной из аллей парка.

Сергеев также поднялся со скамьи и неспешно побрел в противоположном направлении. У него еще оставалось одно жизненно важное дело к Черепанову, которое он твердо решил завершить до отъезда в Чернобыль.

* * *

Через полчаса в квартире Черепанова весело заиграл домофон, из которого неожиданно раздался голос Сергеева.

– Ты, что ли, Вовчик? Дергай дверь и заходи!

Через пару минут Черепанов приветливо улыбался возникшему на пороге Сергееву:

– Ну привет, дружище! А я-то думал, что мы с тобой повидаемся уже после твоего возвращения. Попрощаться забежал или случилось что?

Иван пригласил приятеля в гостиную и по его озадаченному виду понял, что Сергеев пришел не просто так, поэтому, как водится, предложил:

– Кофейку заварить или, может, чего покрепче будешь?

– Давай кофейку, а покрепче мы с тобой, Ваня, точно после моего возвращения выпьем. Дело есть к тебе, очень для меня важное. Я много думал о том, как вы узнаете, произошли какие-либо изменения в параллельном мире после окончания моей миссии или нет. А вдруг все это вообще зря, и все эти эксперименты ровным счетом ничего не решают? Так, имитация деятельности. Конечно, если я вернусь... – Владимир осекся, – когда я вернусь, то сам расскажу обо всем, что со мной произошло. Но мы же понимаем, что какой-нибудь другой Володька Сергеев тоже может в нашем прошлом что-то натворить. И как раз его действия могут спровоцировать серьезные для нас последствия. Как узнать, что может произойти? Вспомни, ты мне сам рассказывал, что события могут развиваться по самому неожиданному сценарию.

– Ты прав, Володя. Подобные риски не исключены. И что ты придумал?

– Я решил, что перед возвращением оставляю самому себе письмо, в котором подробно изложу ход операции. И если со мной что-либо случится, вы сможете узнать, что же на самом деле произошло.

– Хм, в этом что-то есть. Ты про эту идею с письмом кураторам из органов рассказал?

– Видишь ли, не доверяю я до конца этим друзьям. Хорошие они, конечно, ребята, но кто знает, с какими неожиданностями мне придется там столкнуться. Более того, еще неизвестно, каким я вернусь оттуда. Поэтому и хочу, чтобы именно ты знал то место, где будет лежать мое сообщение, и в экстренном случае сам его нашел.

– Надеюсь, что до этого не дойдет... Ну хорошо, и где же ты предполагаешь оставить письмо?

– Давай покажу на карте это место. У тебя компьютер включен? – Сергеев прошел к рабочему столу Ивана, вставил флешку. – Смотри, в пяти километрах от Киева, на берегу Днепра, в одном из курганов заложен клад. Вот его точные координаты. В любом случае, я должен воспользоваться им или в самом начале визита, или ближе к завершению миссии. Запоминай, где ты обнаружишь мое послание: от этого места строго на юг ровно сто метров, на глубине полтора метра. Надеюсь, что время и генплан Киева не доберутся до свитка раньше тебя. Я постараюсь запечатать бумагу надежно, положу в какой-нибудь глиняный кувшин и залью сверху воском ... Ну вот теперь, пожалуй, и все. Прощай, дружище!

– Уверен, прощаться нам рановато. До новых встреч, Володя! И помни еще об одном: меня что-то одно, никто не может ручаться, что другое останется неизменным. Где гарантия того, что в случае похода на Варшаву и создания мощного государства, объединяющего всю Украину, Переяславская рада вообще состоится? Не захочет ли тот же Богдан Хмельницкий создать независимое государство, такое, как Польша, Россия или Турция? И как тогда изменится история? Это опасные игры, будь готов к тому, что кому-нибудь еще захочется сыграть свою партию, и береги себя, Володя!

Они крепко, по-мужски, обнялись, и Сергеев, махнув рукой, коротко бросил напоследок: «Ну, я поехал. Пока...»

Чернобыль. Зона отчуждения

Заканчивался второй месяц подготовки Владимира Сергеева к перемещению в заданное измерение. Расположились они в палаточном городке неподалеку от Чернобыльской АЭС под видом научной экспедиции. По легенде, группа российских ученых проводила в зоне отчуждения научные эксперименты в рамках программы ЮНЕСКО «Чернобыль». Сергееву же в этом сценарии была отведена роль журналиста и общественного наблюдателя от украинской стороны.

На самом деле их занятия мало походили на научные. Это больше напоминало курс молодого бойца спецназа. Самыми близкими людьми для Владимира на это время стали подполковник Китаев и инструктор с говорящей фамилией Прощин. И если подполковник больше занимался теорией и языковой практикой, то инструктор налегал на физическую подготовку. А именно в этой сфере у Сергеева имелись наиболее существенные пробелы. Прежняя его деятельность была больше связана с умственными нагрузками, и спортом он занимался не системно, а по настроению, как говорится, для себя. Когда появлялось время, брал абонемент, чтобы в тренажерном зале железо потягать и в бассейне полтора километра проплыть. С ребятами в футбол иногда по выходным гоняли. Правда, после таких матчей, как правило, следовало продолжение в любимом пивном пабе. Так что инструктору Прощину было куда приложить усилия.

И свою работу он выполнял на совесть. По словам Прощина, тренировались они по стандартной методике бойца спецназа. Подъем ровно в пять утра и сразу же пробежка по лесу в одних спортивных трусах и босиком. Впереди Прощин, за ним Сергеев. Первый день такой «прогулки» дался непросто. Ступнями ног Владимир ощущал каждый камешек, каждую веточку и кочку на тропинке. Он едва успевал за инструктором, который, как будто издеваясь над ним, еще и мурлыкал себе под нос какую-то непонятную мелодию. К концу пробежки подошвы Владимира горели. Но Прощин невозмутимо произнес: «Тяжело в учении – легко в бою». «Тоже мне Суворов доморощенный», – подумал Сергеев, но ни возражать, ни жаловаться не стал.

После пробежки обычно следовало обливание холодной водой. Как пошутил Китаев, в XVII веке душ еще не изобрели, а потому нечего себя теплой водичкой баловать. Затем они завтракали возле полевой кухни. Чаще всего кашей или домашним кислым сыром с черным хлебом. «Это чтобы у тебя живот сразу по прибытии не скрутило», – пояснил подполковник. Далее к своей части подготовки приступал Китаев. Несмотря на то что Сергеев немного говорил по-польски, ему предстояло освоить польские и украинские диалекты той эпохи, да еще языки тех народов, которые проживали на территории Дикого поля триста лет назад. Кроме того, следовало научиться ориентироваться на местности, в том числе и по звездам, изучить повадки животных и свойства растений того времени. «А то еще слопаешь ненароком не то, что нужно, и вся подготовка коту под хвост», – пояснил Китаев.

Днем за него опять принимался Прощин. И эти тренировки Сергеев особенно невзлюбил. Инструктор с каждым разом увеличивал физические нагрузки, заставлял надевать теплую одежду и бегать кросс. Или, наоборот, закрывал на несколько часов в огромной морозильной камере, а чтобы Владимир не замерз, заставлял приседать и отжиматься. В последнюю неделю инструктор решил поморить Сергеева голодом, уменьшив его рацион до трех корочек хлеба в сутки. На все недоуменные взгляды нудный Прощин отвечал неизменно: «Тяжело в учении – легко в бою».

Единственное, чем испытатель занимался с удовольствием, – это изучение оружия запорожских казаков. Сергеев с интересом разглядывал мушкеты, пистолы, рогули, чеканы, сабли и кинжалы. Такое же оружие он видел однажды в экспозиции музея Полтавской

битвы. Некоторые из изучаемых образцов напоминали те, которые в детстве они мастерили с пацанами во дворе за гаражами, чтобы играть в войнушку. Правда, эти пистолы стреляли по-настоящему, а сабли были заточены так остро, что запросто могли перерубить ствол молодого деревца. Инструктор заставлял Сергеева часами крутить казацкие сабли, укрепляя кисти рук. Затем Прощин брал саблю и кинжал, становился напротив Владимира и давал команду нападать. Как не старался Сергеев нанести своему учителю ощутимый удар, постоянно проваливался в пустое пространство. Прощин уходил от ударов с невероятной ловкостью и скоростью.

– Запомни, – наставлял инструктор, – ты обычный послушник, я бы сказал, божий одуванчик. Тебе не нужно знать приемы владения саблей или тонкости боя на ножах. Твое оружие – это реакция, хороший глазомер и скорость движения. Ну и, конечно, холодная голова. Твои навыки – уже полная неожиданность для соперника.

Сергеев учился уходить от ударов не только стоя на ногах, но и сидя, лежа и даже с завязанными руками. Однажды Прощин надел ему на голову холщовый мешок, в котором, разумеется, ничего не было видно.

– Замри и слушай. Сабля умеет говорить. У каждой есть свой голос. Научишься его слышать – будешь жить, – объяснил он.

Прошло немало напряженных занятий, прежде чем Сергеев научился слышать свист сабли, которой Прощин рассекал воздух справа и слева от головы ученика. Он приседал, делал шаг в сторону или назад, уходя от ударов, и каждый раз обливался холодным потом, боясь ошибиться.

Однажды Прощин обратился к Владимиру с вопросом, который показался тому странным:

– А ты, божий одуванчик, когда-нибудь видел, как казаки танцуют свой знаменитый гопак? Давай-ка спляшем!

Почувствовав, что за этим кроется какой-то подвох, Сергеев промолчал, и Прощин начал свой удивительный танец. Конечно, в детстве Володя не раз видел, как артисты в широченных шароварах и белых сорочках исполняли гопак. Редкий телевизионный концерт, посвященный советским праздникам, обходился без этого. Но то, что вытворял Прощин, только отдаленно напоминало движения национального танца украинцев. Инструктор то стремительно взлетал над Сергеевым, широко расставив ноги, то стелился над самой землей. Его движения чем-то напоминали приемы карате, но при этом были более размашистыми. Создавалось впечатление, что Прощин ведет бой не с одним человеком, а по крайней мере с десятком.

– Нечего стоять, – крикнул Владимиру инструктор. – Ты не старшеклассница на танцах. Не жди приглашения, начинай плясать...

Сергееву, к его собственному удивлению, труднее всего давались уроки на выживание. И ладно бы это были только купания в холодной воде. В сорокоградусную жару ему часами приходилось сидеть в засаде, опасаясь даже шелохнуться. Но Прощин, хитро улыбаясь, вечно готовил «нестандарты». Например, мог заставить ученика пить неизвестно где добытый мутный самогон градусов под шестьдесят, да еще несколько кружек сразу. При этом от души приговаривал:

– Сергеев, ты что, надеешься там, как в кино, саблей махать да из пистоля шмалять направо-налево? Нет, божий человек, я этих голопупых казарлюг знаю – ничто их не берет. Они похлеще нынешнего спецназа будут, в сравнении с ними ОМОНЫ и «Беркуты» отдыхают. А что делает хороший вояка после трудов бранных? Правильно, пьет ее самую, окочевитую, что в переводе с латыни означает «вода хорошая». Умные были отцы-казаки.

С этими словами, то ли одобрения, то ли осуждения, Прощин и сам выпивал кружку «хорошей воды».

Было еще одно упражнение, от которого у Сергеева долго болели пальцы рук. Оно называлось «Разожги костер». Во времена Хмельницкого, когда спичек еще не было, огонь разжигался с помощью огнива и трута. Со стороны все выглядело просто. Инструктор брал кусочек металла, который он называл кресалом, в одну руку, небольшой кремешок и моховой трут – в другую. Легонько ударял кресалом по кремню, и образовавшийся сноп искр зажигал трут. Сергеев два дня осваивал науку добывания огня дедовским способом, изранил все пальцы, вспомнил все матерные слова, которые знал и не знал, и, когда ему, наконец, удалось получить огонек, радовался, как ребенок новогоднему подарку. Доволен был и инструктор.

– Тебе, божий одуванчик, – говорил он, – курить трубку с казаками сан не позволит. Но ты, если не забудешь, дай прикурить сотнику Хмельницкому от имени капитана Прощина.

Несмотря на опасения, Володя успешно освоил все науки. За два с половиной месяца Сергеев научился не спать и не есть сутками, выживать в экстремальных условиях. В супермена он, конечно, не превратился, но его физическая форма заметно улучшилась. Куда-то исчез наметившийся к сорока годам небольшой животик, появились почти военная выправка, уверенность и даже отточенность движений. Для большего сходства с паломником Владимир отпустил бородку, оброс и, по современным меркам, стал больше похож на бродягу, нежели на спасителя нации.

И вот наступило время «Ч». Сергеев по привычке проснулся ровно в пять утра, энергично поднялся и вышел из палатки в приподнятом настроении. Там его уже ожидал Китаев.

– Ну что, герой, готов к перемещению? – бодро спросил подполковник Сергеева.

– Как пионер, всегда готов! – уверенно ответил Владимир.

– Тогда пошли завтракать и переодеваться. Твое рубище ребята уже приготовили, котомку сложили. Последний инструктаж – и счастливого пути в прошлое!

На этот раз завтракали молча. Каждый думал о своем. Подполковник – о том, что в случае удачно проведенной операции он получит очередные звезды на погоны. Конечно, успешная операция и возможность получить дополнительные рычаги влияния на соседнее государство также являлись немаловажными факторами. Но личная мотивация для Китаева играла решающую роль при выполнении любой задачи.

Сергеева же волновало совсем иное. Возможная слава, карьера, деньги для него в данном деле были на последнем месте. Его больше беспокоило, сможет ли он оправдать доверие и, самое главное, позволят ли его скромные возможности принести пользу идее русского мира и продолжить дело брата.

Облачась в одежду богомольца, подпоясавшись пеньковой веревкой, Владимир проверил содержимое своего узла. Помимо старинной Библии, свитка с картой и несколькими грамотами якобы от патриарха Паисия, ему положили глиняную баклагу с водой, каравай черного хлеба на первое время да огниво.

– Давай-ка еще разок пройдемся по твоему заданию, Володя. По нашим подсчетам, ты должен переместиться в 1647 год, примерно в такой же летний календарный период. То есть как раз к тому моменту, когда Богдан Хмельницкий не только потеряет все имущество, но и надежду на то, что сможет восстановить справедливость законным путем и вернуть свой хутор Суботов, а также честь казацкую.

Согласно легенде, ты появишься в образе послушника Донского монастыря Иллариона Добродумова, который готовит себя к постригу в монахи, а перед этим совершает паломничество по святым местам. Твоя задача – внушить Богдану, что нужно идти на Запорожскую Сечь, поднимать казаков и вести их на Речь Посполитую, против короля Владислава. Времени на это у тебя будет предостаточно – полгода. Уверен, ты сможешь убедить Хмельницкого не идти на переговоры с поляками, а поднимать и объединять всю Украину, а также дашь ему понять, что единственно верный союзник – это православный московский царь Алексей Михайлович. Ну а как убеждать норовистого казацкого гетмана, наши консультанты тебе

объяснили. Насколько я знаю, тебя даже методам психологического воздействия и гипноза обучили. Да не смотри ты на меня так, – усмехнулся Китаев, – уж на мне свои способности проверять не надо, бесполезно.

– Да я и не сомневаюсь, Николай Семенович, что вы не хуже меня этими методиками владеете. Тягаться с вами бесполезно, хотя и интересно, но сейчас некогда.

– Это ты верно подметил, времени в обрез. Как мы уже обсуждали, имя у тебя должно быть соответствующее. Владимир Сергеев для паломника не слишком подходит. В некоторых исторических документах упоминается, что у Юрия, младшего сына Хмельницкого, был домашний учитель из Киево-Печерской лавры некий Илларион Добродумов. Вполне подходящее имя и сан, так что резонно тебе воспользоваться этим псевдонимом.

Теперь что касается твоего возвращения. После битвы под Желтыми Водами, когда позиции Богдана Хмельницкого будут уже достаточно прочными, тебе необходимо возвращаться, иначе застрянешь в прошлом навсегда. Время и место наши ученые просчитали. Как только Войско запорожское двинется на Корсунь, ты, сославшись на необходимость вернуться к паломничеству по святым местам, прихватишь двух собак и отправишься в район открытых залежей урановых руд, расположенный неподалеку. А дальше действуй по утвержденной схеме.

И еще, возьми этот нательный крестик с секретом – новейшая разработка с применением нанотехнологий. В действительности это микрограната. Если хорошенько дернуть за шнурок, выдергивается чека, и крестик взрывается через три секунды. Сам понимаешь, что это оружие – на самый крайний случай, если тебе будет угрожать неминуемая смертельная опасность. Ну, теперь точно все. Выдвигаемся на исходную позицию. Как мне доложили наши профессора, все уже готово для перемещения.

Китаев, Прошин и Сергеев сели в «Ниву», и автомобиль неторопливо тронулся в сторону объекта «Укрытие». Не доезжая до объекта, машина свернула на неприметную дорогу и через три минуты подъехала к небольшому зданию, на котором красовалась эмблема ЮНЕСКО. Навстречу им вышли двое неспортивного телосложения в штатском.

Подполковник за руку поздоровался с ними, а затем представил Владимира:

– Познакомьтесь, это наш испытатель Владимир Сергеев, он же Илларион Добродумов. Итак, господа Эйнштейны, ведите нашего странника к месту перемещения.

Научные сотрудники, которые действительно чем-то напоминали великого ученого, резко оживились, получив отмашку. Китаев и Сергеев прошли за ними в помещение, Прошин же остался в «Ниве», махнув своему ученику на прощание рукой.

Они молча проследовали в небольшую комнату с пультом управления, которая ничем не была похожа на привычную с 80-х годов прошлого века картинку, где люди в белых халатах сидели за огромными столами с многочисленными кнопками и мигающими лампочками. Этот пульт управления больше походил на небольшой сенсорный планшет, который активировался легким движением пальца. Владимира попросили пройти в кабину, похожую на стеклянный лифт, расположенную в углу зала.

– Сейчас вы почувствуете холод. Затем последует небольшой хлопок, погаснет свет, потом по кабине постепенно распространится яркий голубой туман и опять станет тепло. В это время вам лучше закрыть глаза, чтобы не повредить роговицу и не ослепнуть. Посчитайте до десяти, после чего можете открывать глаза и не удивляться тому, что увидите вокруг, – проинструктировал Сергеева один из Эйнштейнов.

Володя снял обувь (паломники обычно ходили босиком по грешной земле, тем более летом) и зашел в прозрачную кабину. Стекло двери закрылись за ним, и все посторонние звуки тут же исчезли. Сергеев почувствовал, как холод постепенно наполняет небольшую кабину. Он прижал к груди котомку с нехитрым скарбом, как будто она могла его согреть. Вдруг раздался негромкий хлопок, затем произошла яркая вспышка, и он мгновенно

погрузился в темноту. Владимир закрыл глаза и стал считать до десяти: один, два, три... Но теплее, как обещали, почему-то не стало. Четыре, пять, шесть... Что это? Ему показалось или он услышал завывание ветра? Семь, восемь, девять, десять... Сергеев открыл глаза и тут же получил снежную «пощечину». От неожиданности он не удержался на ногах и рухнул... прямо в сугроб.

XVII век. Украина. Лес под Припятью

Владимир осмотрелся и пришел в ужас. Он находился посреди леса в окружении высоких сосен. Это было явно не лето, он сидел в снегу босой, в полотняной рубахе и штанах. Его начало трясти то ли от холода, то ли от полученного шока. «Ничего себе переместили в гости к Богдану Хмельницкому! Куда это они меня забросили, эйнштейны хреновы? Надеюсь, хоть не в Ледниковый период. Так, надо срочно выбираться отсюда, пока не отморозил себе конечности, – пронеслось в голове у Сергеева. – Вот уж действительно, спасибо тебе, инструктор Прошин, пригодятся мне твои уроки выживания».

Прежде чем выбраться из леса, он внимательно огляделся, прикидывая, в какую сторону ему направиться. По его расчетам, к северу должна была протекать Припять, по берегу которой рано или поздно можно выйти к какому-либо селению. Владимир быстро разгреб руками снег у ствола крупной сосны и по остаткам моха сориентировался, где север. Не теряя времени, он стал пробираться через сугробы и густой валежник.

Первый час пути прошел довольно быстро. Невзирая на легкую одежду и босые ноги, натренированное тело Сергеева легко преодолевало препятствия, почти не чувствуя холода. Но, когда прошло часа два, он решил немного передохнуть и, выйдя на полянку, соорудил в сугробе небольшое укрытие. Дно своеобразной берлоги Владимир выстелил сосновыми ветвями, сверху аккуратно проделал окошечко. Потом собрал несколько сухих веток и уже через пять минут разжег возле своего скромного укрытия костерок, над которым подогрел немного воды во фляжке. Спрятавшись в «берлогу», он прикрыл вход ветками сосны, отломил небольшой кусок хлеба и, медленно пережевывая, стал запивать его теплой водой из самодельной кружки – свернутого из коры кулька.

Не успел он доесть краюху черного хлеба, как снежная крыша внезапно рухнула, полностью накрыв его. «Ну вот, не успел согреться, как меня контрастным снегом освежило», – попытался пошутить про себя Сергеев. Он вылез из «берлоги» и, быстро собирая котомку, обнаружил, что трут в огниве полностью промок. «Теперь уже шансов согреться нет. Придется двигаться без перерывов на обед и ужин», – подумал странник и продолжил свой путь.

Ближе к вечеру уставший и изможденный, Владимир вышел к Припяти. На реке лежал плотный лед. Значит, до весны еще далеко. Куда теперь? Направо? Налево? А может, прямо, через реку? Он чувствовал, что силы уже на исходе, а тут еще с Припяти подул сильный ветер и хлопьями повалил снег. Несмотря на полученную подготовку, Сергеев понимал, что в таких условиях он долго не протянет. «Неужели вот так бесславно и закончится эта операция? Неужели моя судьба – согнуться, не добравшись до места назначения? Помолиться, что ли? Я ж вроде как странник по святым местам. И Библия у меня в котомке имеется», – подумал испытатель. И вдруг где-то вдалеке послышался еле слышный лай собак. «Ура!!! Вот оно, спасение, – внутренне возликовал он. – Там, где есть собаки, наверняка есть и люди».

Из последних сил он направился туда, откуда слышался лай. Несколько сотен метров – и на берегу Припяти показался сначала легкий дымок, а затем и несколько приземистых мазанок. Судя по всему, это было небольшое селение, посреди которого виднелся купол с православным крестом. «Вот туда-то мне и нужно пробираться, – уже в полуобморочном состоянии размышлял Владимир. – В храме божьего человека не обидят».

К хутору он добрался, когда уже совсем стемнело. Не чувствуя ног, Сергеев побрел по пустынному селению к храму. В самой церкви было тихо и темно, только перед образами тускло горели лампадки. Владимир прошел к алтарю, приложился к иконе Иисуса Христа, опустился на колени и одними губами стал шептать: «Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли...» И тут Сергеев понял, что, кроме него, в храме есть кто-то еще. «Во имя Отца и Сына и Святого

Духа. Аминь», – дочитал он молитву и, перекрестившись три раза, оглянулся. Рядом с ним стоял священник с длинной седой бородой, видимо, настоятель.

– Кто ты, божий человек? Как звать тебя, откуда и почему оказался здесь? – тихо и ласково спросил он.

– Батюшка, спаси и сохрани странника! Я послушник Донского монастыря Илларион Добродумов. Иду по святым местам перед постригом в монахи. Вот возвращался от своих братьев из Почаевского монастыря. В дороге лихие люди напали на меня и обобрали. Остались только Библия да священные грамоты Его Блаженства иерусалимского патриарха Паисия. Из последних сил через снег и лес я добрался сюда. Уповаю на Господа Бога нашего Иисуса Христа, не прогоните раба божьего. Мне край как необходимо добраться в Чигирин, на хутор Суботов, к сотнику Хмелю. Против него замышляется злодейство... – прошептал паломник, уже теряя сознание.

* * *

Когда Илларион пришел в себя, было светло. Он огляделся и увидел, что находится в небольшой светлой комнате. В углу, как и должно у православного люда, под вышиванками висели иконы святых. Он лежал на широкой лавке, укрытый одеялом из овечьей шерсти. У него в изголовье сидела девочка лет десяти в простой рубахе с передником, голова ее была покрыта косынкой. «Пить...» – еле шевеля губами, прошептал Добродумов.

– Тату, воны очнулись! – закричала девчушка и убежала в другую комнату.

В дверях показался священник:

– Ну что, брат, проснулся? Вот и хорошо!

Паломник опять услышал этот тихий голос, и на душе стало спокойнее. «Будем жить! Надо бы разузнать, куда я попал и какой сейчас год», – подумал он.

– Почитай сутки проспал. Уже и к вечерне скоро идти, – говорил между тем священник. – Ты, брат, хоть и промерз, но, слава Господу Богу нашему, хворь не напала на тебя. Видимо, просто усталость так сморила. Ну, это ничего, пройдет. Вот отлежись немного, и можно будет дальше продолжить путь. Вчера ты, брат, говорил, что тебе надобно попасть к сотнику чигиринскому Хмелю?

– Да, отче! Богданом его кличут, сын Михайла Хмеля из Чигирина. У меня к нему поручение от иерусалимского патриарха Паисия. Только вот в пути от усталости я потерял счет дням. Скажите, где я и какой нынче день?

– Сегодня пятница, 25 января 1647 года от Рождества Христова. Сейчас ты на хуторе Лелив, что недалеко от Чернобыля. Я настоятель местного храма, звать меня отец Никодим. Что касаясь Богдана Хмельницкого, то о нем наверняка должны знать реестровые казаки, которые в чернобыльской крепости стоят. Говорят, туда как раз знатный пан полковник Станислав Кричевский приехал зачем-то. Завтра поутру с хутора на ярмарок в уезд пойдет обоз с харчами, может, что передать казакам?

– Отправьте меня, отче, с обозом в Чернобыль. Я сам должен передать казакам слова Паисия, – взмолился Илларион.

– Да будет так, брат. Одежку кой-какую мы тебе соберем. Завтра утречком и поедешь. А сейчас выпей еще отвару, чтобы силы укрепить. Дарка, неси паломнику отвар!

В комнату опять зашла девочка с глиняной крынкой в руках.

«Вот так фокус, – думал про себя Добродумов. Мысли путались у него в голове, а сообщать надо было быстро, чтобы не выдать себя. – Отправляли Володю Сергеева к Богдану в лето 1647 года, а попал Илларион Добродумов в зиму на полгода раньше. Да и с дороги я, видать, сбился, раз в другую сторону от Чернобыля вышел. Ну, слава богу, хоть не замерз и хутор этот быстро нашел. Правда, теперь придется действовать по ситуации. Но зато у меня

появилась возможность провести рядом с Хмельницким больше года. Наверно, это даже к лучшему. Есть время, чтобы и осмотреться, и войти в доверие, и направить гнев сотника в нужное русло. Так, помнится, как раз в это время казаки собирали войско для отражения набега татар на Украину. Надо бы этим и воспользоваться. Главное, встретиться сейчас с паном Кричевским. Лишь бы до завтра он из крепости не отбыл».

Путник допил горький отвар и сразу почувствовал прилив сил. Когда солнце опустилось к горизонту, вместе с отцом Никодимом сходил в храм на вечерню и даже помог ему в службе. При этом Добродумов несколько раз ловил на себе внимательный взгляд батюшки. Затем они продолжили разговор за скромным семейным ужином в хате настоятеля. Семья у него оказалась небольшая – тихая, спокойная жена да дочка Дарка. «Господь долго не посылал нам детей, а потом все малютки хилыми рождались. Вот на старости лет смилоствовал над нами Бог и подарил дочку. Потому и называли ее Дарина», – рассказал Никодим.

Следующим утром, еще затемно, с небольшим обозом Добродумов отправился в Чернобыль. Отец Никодим дал ему кожух, суконную шапку, теплые шаровары и кожаные постолы на ноги. Перекрестил на прощание и пожелал доброй дороги. «Береги себя, брат, Господь тебе в помощь! – напутствовал он, а потом, немного подумав, добавил: – Не сердчай на меня, брат, но не сильно ты на простого послушника похож, больно уж смышленный». «Может, и так, отче», – улыбнувшись, ответил Добродумов, а про себя отметил, что едва не попался в самом начале своего пути.

* * *

В Чернобыль прибыли через пару часов. «На санях-то да с бубенцами оно быстрее получается, нежели в одном исподнем да босиком по снежному лесу», – отметил Илларион. Мужики подсказали, где искать казаков. «Вон в тех покоях нашего хорунжего расположился пан Кричевский. Туда тебе надо, божий человек», – указали они на добротную хату. На стук открыл ему дверь бравый казак с оселедцем на голове, пышными усами и двумя пистолетами за широким поясом.

– Мир дому вашему. Подскажи, добрый человек, здесь проживает казацкий полковник Кричевский? – поинтересовался Добродумов.

– А тебе он зачем понадобился, сиромеха? Попрошайничать иди в церковь. Пан полковник не любит убогих! Или, может, к нам в казаки решил записаться, на татар с нами пойдешь? – осклабился тот.

– Может, и пойду, добрый человек, – спокойно продолжал Илларион. – А к полковнику у меня дело жизненно важное – послание от самого иерусалимского патриарха Паисия с предупреждением о смертельной опасности.

– Ты гляди, чего только не придумают эти убогие, чтобы до пана полковника добраться. А ну, кыш отсюда, попрошайка! – гневно прикрикнул стражник и замахнулся на паломника.

Быстрым движением Илларион перехватил его руку и легонько надавил пальцами на шею. Тело грозного вояки обмякло, и Добродумов, в который раз поблагодарив своего инструктора Прощина, бережно усадил казака на крыльцо. Служивый откинулся на дверной косяк и закатил глаза. «Отдохни немного, а мне до пана полковника надо», – шепотом произнес Илларион и прошел в дом.

Миновав темный коридор, он очутился в передней. Там было тихо, но из-за закрытых дверей, которые, вероятно, вели в большую комнату, слышен был разговор. Прежде чем обнаружить себя, Добродумов решил немного послушать, о чем говорят хозяева.

– Ну так что, шановное панство, не желаете вы украинским казакам помогать? Думаете, что не стоит на нас свои деньги тратить, не дойдет до вас крымский хан? – услышал Илларион зычный голос одного из участников разговора.

– А чего нам бояться, пан полковник? Чтобы до нас дойти, крымскому хану надо сначала пол-Украины пройти да стольный град Киев одолеть, а это задача не из легких, – отвечал голос, принадлежавший явно человеку не военному – гражданскому, не привыкшему кричать и отдавать команды на поле брани. – Так что нет нам смысла на казаков свои червончики тратить. Товар добротный, провиант и даже оружие по честной цене мы вам продадим, а вот на войско тратиться не станем, нет резону.

– Ну что ж, торговый люд, на нет и суда нет. Только потом не обижайтесь, ежели православный люд не заступится за вас, когда погромы начнутся. Вот тогда не зовите казачков на защиту. Все, говорить больше не о чем. Не смею вас больше задерживать, – обладатель грозного голоса сказал как отрезал.

Илларион отдалился от двери и схоронился в темном углу. Через минуту из комнаты вышли трое – судя по одеждам, иудейские торговцы, которых в Чернобыле на тот момент было немало. Они прошли мимо Добродумова, не заметив его темный кожаный халат за дверью. Подождав некоторое время, пока стихнут голоса торговцев, Илларион покинул свое укрытие и осторожно вошел к полковнику.

Комната была богато украшена коврами, на которых висели сабли и пистолы. Пан Станислав Михаль Кричевский сидел в большом кресле за длинным столом, накрытым шитой красным скатертью, подперев голову мощным кулаком. Судя по всему, тяжкая дума мучила полковника.

– Доброго дня, пан полковник! Знаю, какая печаль тебя мучит, и знаю, как тебе помочь, – произнес, подойдя к казаку, паломник.

– Ты кто такой и откуда здесь взялся? Как тебя моя охрана сюда пропустила, попрошайка?! – от неожиданности полковник даже вскочил с кресла.

– Я послушник Донского монастыря, из Московии. Второй год скитаюсь по святым местам перед постригом. Много повидал, со многими людьми довелось свидеться. Сейчас вот из Иерусалима от самого Паисия возвращаюсь. Важную весть от него несу земляку вашему, чигиринскому сотнику Богдану Хмельницкому. Может, знаете его, вельмошановый пан полковник?

– Как не знать? То кум мой, знатный казак, рубака, шляхетный и образованный пан. А ты откуда о нем знаешь? И что ты там о помощи мне говорил? – уже заинтересованно и спокойно спросил у странника Кричевский.

– Знаю я и про печаль твою. Едешь ты от Владислава IV, а в кармане у тебя письма к реестровым казакам, в которых король польский просит их встать на его сторону против крымского хана – вассала турецкого султана. За это Владислав пообещал большие деньги заплатить, но только после военной кампании. Шляхетное панство Речи Посполитой не хочет давать денег на причуды короля. Вот тебе и нужно казаков на татар подымать. А для этого братчиков-казаков нужно обуть, одеть, пистолы да сабли закупить, порохом запастись. Да и конница ваша нынче слаба... Одним словом, деньги сейчас казакам нужны, а брать их негде. Да и торговцы жидовские не хотят больше давать вам в долг. А я могу помочь пополнить казацкую казну, но только услуга за услугу, – продолжил беседу Добродумов, увидев в глазах полковника уже не раздражение, а живой интерес. – Так вот, мне известно место одного очень богатого древнегоклада, расположенного неподалеку от Киева, на берегу Днепра. Заложено он в одном из царских курганов. Золота и драгоценностей там столько, что мы с вами за один раз не унесем. Но клад так легко не откроется. Древние могилы к себе простых смертных без жертвы не подпустят, иначе сокровища эти принесут не богатство, а горе. Для того чтобы наши предки отдали свое добро, нужно спасти жизнь великого воина. И такой воин в Украине есть – Богдан Хмельницкий.

Кричевский внимательно слушал Добродумова. С одной стороны, о письмах Владислава знал только очень ограниченный круг людей, и безродный бродяга об их существова-

нии не мог догадаться. С другой – а что, если рассказ паломника – выдумка, фантазия или – того хуже – хитроумный план врагов, чтобы, задушив голову казакам, потом предать их? В любом случае, оставлять этого божьего человека одного теперь нельзя. Раз он знает про письма короля и рассказал об этом Кричевскому, может рассказать еще кому-нибудь, а этого допустить нельзя. «Надо будет забрать его с собой в Чигирин, а там разберемся, что это за птица и что с ним делать», – подумал про себя полковник.

– То, о чем ты мне сейчас поведал, божий человек, конечно, интересно, очень интересно, – не спеша произнес Кричевский. – Так, может, продолжим разговор в более приятной обстановке и компании? Завтра мы собираемся в обратную дорогу на Чигирин. А потому уважаемая старшина казацкая ждет меня в одном из шинков, чтобы обсудить важные дела. Пойдем разделим трапезу, а заодно и о твоём предложении потолкуем. Да ты, я вижу, немного не в себе, Илларион. Здоров ли ты, не в бреду ли мне про клад рассказал?

Добродумов почувствовал, что всего его трясет. Сначала он подумал, что это от волнения, но только теперь понял, что недавняя «прогулка» босиком по зимнему лесу не прошла бесследно. Видимо, отвара отца Никодима оказалось недостаточно. Как бы хворь не свалила его в самый неподходящий момент...

– Вы правы, пан полковник, накануне пришлось мне от лихих людей спастись. Избили они меня и ограбили, забрали все вещи. По лесу босиком несколько верст пришлось пройти. Слава богу, вышел на хутор Лелив, где настоятель православного храма отец Никодим меня приютил и обогрел. Да, видно, не до конца я еще оправился. А все, что я рассказал и про клад, и про Богдана, истинная правда. Возьмите меня с собой до Чигирина, мне срочно надо с Хмелем переговорить, знаю, что смерть рядом с ним ходит. Я должен предупредить и спасти его. Тогда и древний клад мне откроется. А чтобы вы не сомневались в правдивости моего рассказа, у меня имеется грамота от самого патриарха иерусалимского Паисия, которая подтверждает, что есть у меня дар божий, – горячо твердил Илларион, доставая из котомки одну из заветных грамот.

– Ну хорошо, вижу, что ты человек ученый и непростой, раз с самим патриархом довелось такие мудрые разговоры вести. Вот сейчас в шинке и подлечим тебя, божий человек, по-нашему, по-казацки. Медовухи с перцем тебе закажем, небось Господь не посчитает это за грех, а душа примет как лекарство, – подмигнув Добродумову и крепко хлопнув его по плечу, весело произнес полковник.

Уже выходя из дома, пан Кричевский заметил своего казака, который так и сидел на крыльце, посапывая в усы.

– Ну и охрана у меня! Ты чего это, Василь, тут разлегся, а ну, вставай, сучий потрох!

Полковник одной рукой поднял спящего казака за шиворот, изо всей силы встряхнул его, а другой крепко съездил ему по физиономии.

Василь очнулся, испуганно вытаращился сначала на Кричевского, а затем на стоящего рядом с ним странника.

– Пан атаман, хватайте его! Это он меня усыпил, чтобы до вас добраться, – что есть мочи закричал казак, тыча пальцем в Иллариона.

Он быстро выхватил из-за пояса один из пистолей и взвел курок.

Во дворе, укрытом снегом, Илларион почувствовал себя словно на солнечной поляне летом. В ушах раздался чуть насмешливый голос Прощина «Тяжело в учении...». Тело и мозг тут же отреагировали на внешнюю опасность. Он быстро шагнул навстречу казаку, молниеносным движением перехватил кисть нападавшего, вывернув руку так, что ствол пистоля уперся тому прямо в лоб.

В последний миг Добродумов замер, по его телу пробежала мелкая дрожь, и, выпрямившись, он отбросил оружие в сугроб. Все произошло за считанные секунды. Полковник застыл с открытым ртом, казак хлопал глазами, не понимая, что с ним произошло. Доброду-

мов зачерпнул ладонями снег, приложил к разгоряченному лицу. «Боже, что со мной? Я же только что чуть не убил человека!» – эта мысль заставила его закрыть глаза.

Голос Кричевского окончательно помог ему прийти в себя:

– Да, божий человек, ишь ты какого казарлюгу стреножил. А ведь Василь в одиночку супротив трех турчаков хаживал. Упокой их басурманские души, Пресвятая Богородица.

* * *

Через полчаса, сидя в корчме с товарищами, Станислав Кричевский со смехом рассказывал, как монастырский послушник одного из его самых крепких казаков спать уложил.

– И вот представьте, панове, Василь увидел Лариона да как закричит: «Хватайте его, пан атаман!» Я и не понял, что да как, а Василий задом уже греет сугроб у крыльца. Небось вчера у своей Христя до утра любезничал, вот сон и сморил его. Так он еще и на божьего человека наговаривает, мол, тот его каким-то чудесным образом усыпил, – смеясь во весь голос, громко говорил полковник. – Да вы посмотрите на этого странника, он же и мухи не обидит.

За столом с Кричевским сидело еще четверо – казацкие атаманы и сотники. Они живо обсуждали конфуз, приключившийся со стражником полковника, отмечая при этом, что вдова Христя, у которой квартировал Василь, могла бы оставить без сил не только его, но и целую сотню крепких казаков. Сам же герой повествования сидел рядом с Кричевским и чувствовал, что с каждой минутой ему становится все хуже и хуже. Вид у Добродумова был действительно жалкий: он побледнел, его била мелкая дрожь, на лбу выступили капельки пота. Влить в себя наполненную до краев чарку медовухи с перцем он был просто не в состоянии.

В соседней комнате Добродумов заметил двух мужиков с хутора Лелив, с которыми приехал в Чернобыль. Они сидели за столом и не торопясь ели какую-то кашу. Краем уха Илларион услышал их разговор. Показывая на паломника пальцем, один из них рассказывал: «Вчера с самого утра послал меня отец Никодим по следам этого божьего человека в лес, может, вещи какие найдутся. Ничего я не нашел, а следы его пропадают под одной сосной, будто он с неба на нас свалился». После этих слов мужики перекрестились три раза, боязливо покосившись на странника. Услышав, о чем шепчутся хуторяне, Добродумов почувствовал себя хуже. Не хватало еще, чтобы про него всякие сплетни по Чернобылю пошли, чего доброго примут за колдуна, тогда вообще пиши пропало.

– Что-то совсем мне худо, не идет горилка за лекарство. Прикажете, пан полковник, за лекарем послать, опасаясь, что слягу я и не смогу с вами в поход отправиться, – из последних сил, почти в бреду, прошептал Илларион.

Последнее, что он запомнил, слова Кричевского «Лекаря сюда, быстро!».

* * *

На следующее утро перед самым отъездом полковник Станислав Кричевский зашел проведать странника. Паломник лежал на постели, глаза его были закрыты, мелкие капельки пота покрывали лицо. У его кровати сидела вдова Христя, рядом с ней стоял казак Василь, нервно теребя пышный ус.

– Что наш божий человек, приходил в себя, говорил что-либо? – спросил у них полковник. Он положил руку на горячий лоб Иллариона и тут же убрал ее. – Да у него горячка, как бы не помер часом. Что лекарь говорит?

– Говорит, что дело худо, но человек он крепкий, должен выдюжить, – доложил Василий. – Лекарства какие-то да порошки дал, чтобы хворому в питье добавлять. Он тут в бреду

про кума вашего, Богдана Хмельницкого, что-то говорил. Я еще удивился, откуда он про него знает.

– Что говорил? А ну, вспоминай! – Кричевский схватил за грудки Василя.

– Да ерунду какую-то. Мол, пусть Хмель без кольчуги в бой на татар не идет. На него вроде как кто-то из польских жовниров будет покушаться. Даже имя сказал: Дашевский. Точно, Ларион в горячке бредит, пан полковник. Такое человек только не в полном уме может придумать, – пожал плечами Василь.

– Может быть, и так, Василь, а может, и нет. Это жизнь покажет. Ну, мы поехали назад, в Чигирин. А тебя оставляю здесь за Ларионом присматривать. Храни его как зеницу ока. Чтобы не отходил от него, пока он на ноги не станет. И не вздумай на посту спать, даже если Христия здесь. Вернись через месяц, бывай!

Выходя из комнаты, полковник столкнулся с лекарем.

– Может, к вашему больному, пан полковник, батюшку православного позвать? Плох он совсем, боюсь, что не справится с хворобой, – потупив глаза в пол, произнес тот.

– Рано еще хоронить нашего Лариона, лекарь. Ты давай лечи его. Вот тебе деньги на самые лучшие лекарства. Если вернусь сюда и застану хворого живым, еще столько же получишь. Ну а не выходишь, пеняй на себя! – пригрозил Кричевский и вышел во двор.

«По коням, панове!» – тут же раздался его громкий голос, и вскоре небольшой обоз в сопровождении десятка всадников покинул Чернобыль, направившись на юго-восток.

Чигирин. Хутор Суботов

В своей просторной хате Богдан принимал кума – полковника Станислава Кричевского. Ради дорогого гостя на стол поставили лучшие закуски – зажарили барашка, принесли соленья, из погреба достали угорское вино. Молодая хозяйка Мотрона постелила лучшую скатерть и положила на лавки турецкие подушки.

Хмельницкий рад был видеть в гостях своего кума. Тот должен был привезти известия от польского короля Владислава IV относительно спора чигиринского казачьего сотника с подстаростой Данилом Чаплинским. Несмотря на то что во время личной аудиенции король дал Хмельницкому все права на владение хутором Суботов, нападки на Богдана и его семью не прекращались. Дошло до того, что шляхтич Дольгерт по поручению чигиринского старосты Александра Конецпольского забрал в счет налога любимого коня Хмельницкого. Богдан надеялся, что Кричевский достанет денег для выкупа боевого друга.

Однако не все сложилось так, как хотелось: король решил больше не вмешиваться в конфликт своих подданных, да и денег раздобыть не удалось. Но кум рассказал ему странную историю про какого-то божьего человека, которого встретил в Чернобыле и который якобы может показать клад, но только самому Богдану.

– А еще, куме, этот Ларион в бреду говорил, что тебе смертельная опасность грозит и чтобы ты, идя в бой, надевал кольчугу и сторонился врагов. Вот такие слова он просил тебе передать, – договорив, Кричевский долил себе вина, смачно отхлебнул и вытер усы рукавом.

– То, что вокруг меня кружит воронье, всем и так известно. Вот недавно пан Комаровский, зять Чаплинского, при казаках угрожал мне, что могу и без королевского суда головы лишиться.

Хмельницкий пригубил чарку с вином и, встав из-за стола, зашагал по хате. Видно было, что атаман очень сердит. Глаза его гневно горели, чуб был взъерошен.

– Как быть, куме, подскажи! Опять к Владиславу ехать кланяться или к гетману Потоцкому? Шляхетное панство нас, казаков, совсем уже за быдло держит. Как с крымским ханом воевать, так казаки им любы, а как потом добро делить – не хотят, последнее у нас отбирают. Чаплинский у многих наших братьев наговорами да доносами маетки забрал. Теперь вот и на мое добро зарится. Сначала коня боевого у меня отобрали, а потом и до хутора доберутся! Вместо того чтобы сообща от татар обороняться, между собой воюем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.